

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 53. Is. 3. pp. 1373-1382. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.3.1373
Journal homepage: <http://ejournal52.com>



The Activities of Turkish Agents in the Central Asian Borderlands of the Russian Empire in the early XX century according to the Materials of the Reports of the Officer on Special Assignments of the Ministry of Interior L. Naumov

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^aAltai State University, Russian Federation

^bInternational Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^cVolgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the reports of the special instructions officer of the Ministry of Internal Affairs L. Naumov, prepared by him on the basis of a trip to the Central Asian outskirts of the Russian Empire in 1910. During the trip L. Naumov had to find out the scale of propaganda work of Turkish emissaries in the region, the degree of penetration of the ideas of pan-Turkism and pan-Islamism in the minds of the indigenous Muslim population. From the information presented in the reports it follows that after the young Turk revolution of 1908, in the Turkestan Governor-General, Bukhara Emirate and Khiva khanate, the work of Turkish residents, aimed at promoting Russophobia, pan-Turkism and pan-Islamism, was significantly intensified. Turkey also actively involved Afghans in the work in the region, using traditional contacts with the Afghan Emirate and considering it the sphere of its geopolitical interests. In his reports L. Naumov cites facts indicating the formation among the Muslim population of the Russian Turkestan adherents propagandized by Turkey ideas, which was expressed in the birth of the Islamic reform movement and the newfangled Muslim education, the refusal to follow all the instructions of the Koran. However, according to the information collected by the official, the traditional Muslim clergy continued to occupy a leading position in the spiritual and religious life of the indigenous population. The negative attitude of the Muslim leaders of Bukhara, Kokand and a number of other cities of Turkestan to the ideas of pan-Islamism, suggesting a spiritual Union of Sunnis and Shiites, allowed L. Naumov to draw conclusions about the futility of the work of Turkish residents in the region and the absence of threats to the territorial integrity of the Russian Empire in the Central Asian suburbs.

Keywords: Islam, pan-Islamism, pan-Turkism, Russian Empire, Turkestan, Turkey, Muslim communities.

1. Введение

Завоевание Российской империей в 50–60 гг. XIX в. центральноазиатских владений неизбежно наталкивалось на противодействие Великобритании и Османской империи. Правящие круги султанской Турции традиционно рассматривали Средний Восток – Афганистан, Бухарский эмират и Хивинское ханство – зоной своих интересов и в рамках доктрины пантюркизма строили планы создания единой мусульманской империи. Англия, понимая крайне сомнительную обоснованность и неосуществимость данных претензий, поддерживала их, рассчитывая на ослабление позиций России в Центральной Азии (Мухамедшин, Абашинов, 2013: 87). В свою очередь бухарские эмиры, апеллируя к авторитету турецкого султана как покровителя всех мусульман, на протяжении XIX в. поддерживали

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Yu.A. Lysenko)

постоянные дипломатические отношения с османами, периодически направляли посольства в Стамбул с призывами защищать центральноазиатских мусульман от России.

Для распространения пантюркистских идей в 50–60 гг. XIX в. Османская империя направляла турецких духовных лидеров в Туркестан, организовывала встречи с бухарским духовенством, сбор денежных средств на строительство новых культовых учреждений в святых местах. Также была налажена работа эмиссаров турецких клерикальных кругов с паломниками, посетившими Мекку; с ними в Туркестан из Османской империи осуществлялась передача писем от имени турецкого султана к хивинскому хану, бухарскому эмиру и туркменским племенным вождям с призывом объединиться вокруг Турции. Кроме этого турецкие правящие круги смогли организовать непрерывную пересылку в центральноазиатские владения России литературы, призывавшей «страны ислама» к поддержке политики Османской империи (Тихонов, 2008: 246-252).

По условиям российско-бухарского договора 1868 г. и российско-хивинского договора 1873 г. Бухарский эмират и Хивинское ханство становились российскими протекторатами и лишались возможности проведения самостоятельной внешней политики. Однако Турция продолжила соперничество с Россией за политическое и культурное влияние в Центральной Азии. На протяжении 70–90 гг. XIX в. связи бухарских эмиров и османских султанов только укреплялись. Новой формой работы стала отправка в Туркестан турецких агентов под видом паломников, торговцев, дервишей. Перед ними ставилась задача наряду с военнополитической разведкой вести идейную обработку народов Центральной Азии, формируя русофобские настроения.

В начале XX в. на фоне событий первой русской революции 1905–1907 г. политизация мусульманских общин Туркестана, рост их самосознания и общественно-политической активности стали рассматриваться российскими правящими кругами как фактор, «способствующий соединению национального и конфессионального самосознания восточных народов и порождению угрозы территориальной целостности империи» (Ремнев, 2006: 7). События Турецкой революции 1908 г., сопровождавшиеся активизацией деятельности турецких агентов в центральноазиатских владениях России, а также суннитско-шиитская резня в Бухаре в январе 1910 г. (Мухамедшин, Абашин, 2013: 114-116), требовали от России принятия кардинальных мер, способных обеспечить безопасность ее территорий в Туркестане. Для сбора достоверной информации о религиозной ситуации и деятельности турецких агентов в регионе Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД направил в 1910 г. в Туркестан чиновника особых поручений VI класса Л. Наумова. Результаты поездки в 1911 г. под грифом «секретно», «доверительно» или «совершенно доверительно» были оформлены Л. Наумовым в виде семи отдельных докладов. Главная их задача – дать ответ на вопрос: являлась ли деятельность турецких эмиссаров в российском Туркестане реальным вызовом для империи и может ли она угрожать ее присутствию в Центральной Азии.

2. Материалы и методы

Основой для подготовки статьи выступили семь докладов чиновника особых поручений Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Л. Наумова, отложившиеся в фонде 821 Российского государственного исторического архива (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458). В них анализируется мусульманское образование в Туркестане и деятельность Комитета новометодных школ в Ташкенте, влияние ишанов на духовную жизнь мусульманских общин региона, паломничество мусульман Туркестана в святые места – Мекку и Медину и т.д. Наиболее информативными для подготовки статьи стали 5, 6 и 7 доклады Л. Наумова, посвященные анализу деятельности турецких эмиссаров и представителей афганского эмира в Туркестанском генерал-губернаторстве и Бухарском эмирате и определению их роли в формировании антироссийских настроений среди местного мусульманского населения (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 98-162).

Объективность представленной в отчетах информации подтверждается тем, что Л. Наумов фактически сам вел разведку ситуации, посещал мектебы и медресе, встречался с мусульманскими духовными деятелями и лидерами Туркестана, рядовыми жителями Ташкента, Коканда и других городов, чиновниками региональной администрации, в частности с училищными наблюдателями Туркестанского учебного округа, Российским политическим агентом в Бухаре. Ценность данного источника еще и в том, что при подготовке докладов Л. Наумов работал с текущей документацией Штаба Туркестанского военного округа и его Разведывательного управления. Несомненно, что данный источник, впервые введенный в научный оборот, существенно дополнит представление о деятельности турецких агентов в Туркестанском крае в начале XX в.

Методологической основой статьи выступает цивилизационный подход, в рамках которого Туркестанский край рассматривается как этнотерриториальная единица Российской империи с особым религиозным фундаментом и специфичными формами организации социально-духовной жизни. Для реализации исследовательских задач в статье использовались конкретно-исторические методы познания – историко-генетический и историко-сравнительный.

3. Обсуждение

В отечественной историографии вопросы истории иностранной резидентуры в центральноазиатских владениях Российской империи начали изучаться в 50–70 гг. XX в. Они рассматривались в контексте общего анализа международной ситуации на Среднем Востоке, развития российско-хивинско-бухарских отношений и усиления англо-русского соперничества за регион (Бекмаханов, 1957; Джамгерчинов, 1959; Набиев, 1973; Тухтаметов, 1969; Халфин, 1957; Халфин, 1959). Единственной работой, посвященной собственно проблемам взаимоотношений хивинских и бухарских правителей с Османской империей, является статья известного исследователя политики Российской империи в Средней Азии Н.А. Халфина. В ней ученый приходит к выводу о том, что активность турецких эмиссаров и пропаганда идей мусульманской солидарности была прикрытием для деятельности английских агентов, конечной целью которых «являлось превращение всего Туркестана в английскую колонию» (Халфин, 1957а: 29-45).

С 90-х гг. XX в. отечественная историографическая ситуация проблемы турецкой резидентуры в центральноазиатских владениях Российской империи кардинально не изменилась, несмотря на существенный рост интереса исследователей к изучению вопросов религиозной политики России в Туркестане (Арапов, 2004; Литвинов, 2006; Лысенко, 2014). Среди авторов, затрагивавших данную проблему, следует назвать Т.В. Котюкову, проанализировавшую переписку высокопоставленных российских военных и гражданских чиновников по вопросу об отношении русско-подданных мусульман к пропаганде, распространяемой османскими эмиссарами (Котюкова, 2004: 85-94); А.К. Тихонова, рассматривавшего конкретные формы и методы работы турецких эмиссаров среди мусульманского населения Российской империи, в том числе в Туркестане (Тихонов, 2008: 246-252); Р.Г. Ланда, в исследованиях которого представлены некоторые сведения о тайных визитах османских агентов в Центрально-Азиатский регион на протяжении XIX в. (Ланда, 2004). Важно отметить, что турецкая агентура в это время активно работала и на территории Кавказа (Karataev, 2016; Cherkasov et al., 2015; Cherkasov et al., 2016; Cherkasov et al., 2017).

Некоторые сведения по истории турецкой резидентуры в Центральной Азии содержатся в монографии международного российско-узбекского научного коллектива, посвятившего специальный раздел анализу борьбы Петербурга и Стамбула за политическое, экономическое и культурное влияние в Центральной Азии (Мухамедшин и др., 2013: 96-124). И только в исследованиях А.Д. Васильева предпринята попытка комплексного анализа данной проблемы (Васильев, 2014).

В целом анализ степени изученности проблемы позволяет утверждать, что она недостаточно представлена в историографии. Выявленные в РГИА доклады чиновника особых поручений МВД Л. Наумова существенно дополняют историю турецкой резидентуры в центральноазиатских владениях Российской империи и позволяют определить ее основные результаты.

4. Результаты

Поездка в 1910 г. чиновника особых поручений Л. Наумова по городам и областям Туркестанского генерал-губернаторства и Бухарского эмирата, целью которой являлся анализ религиозной ситуации в регионе и определение роли турецких и афганских агентов в распространении идей панисламизма и пантюркизма, не была случайностью. К этому времени в Бухарском эмирате сложилась достаточно напряженная внутривнутриполитическая ситуация, характеризовавшаяся противоборством группировки бухарского эмира с традиционным мусульманским духовенством.

При поддержке эмира Абдулахада (1885–1910 гг.) с 90-х гг. XIX в. Российская империя осуществляла политику фронтальной модернизации в Бухарском эмирате. Происходило поэтапное включение государства в российскую таможенную, рублевую, судебную-правовую и налоговую зону. Интеграция Бухары в российское экономическое пространство, помимо торговли, осуществлялась посредством расширения производства товарного хлопка для российской текстильной промышленности и строительства сети железных дорог (Lysenko, Goncharov, 2017: 1480–1487). Эмир Абдулахад являлся генералом от кавалерии русской армии, почетным атаманом Терского казачьего войска, имел придворное звание генерал-адъютанта, носил титул «высочество» и «был награжден всеми русскими орденами вплоть до высшего императорского ордена Святого Андрея Первозванного». Он неоднократно бывал при дворе российского императора в Петербурге, посещал многие города России, имел дачу в Крыму, в Ялте (Мухамедшин, Абашинов, 2013: 112-113).

Многочисленное и консервативное мусульманское духовенство Бухарского эмирата выступало оппозицией пророссийски настроенному эмиру Абдулахаду. Оно «отстаивало деспотические порядки, выражало недовольство эмиру за его уступки правительству России, протестовало против постройки шоссейной дороги Самарканд–Термез, против открытия банков, заводов в Новой Бухаре. Модернизация объявлялась духовенством противоречащей шариату и духу ислама». Попытки эмира Абдулахада противопоставить суннитскому духовенству персов-шиитов и привлечь последних к управлению государством спровоцировали в январе 1910 г. национально-религиозную резню между узбеками и иранцами, проживавшими в Бухаре (Мухамедшин, Абашинов, 2013: 113).

Противоборство двух группировок в Бухаре разворачивалось на фоне революционных событий 1908 г. в Турции. Новое турецкое правительство значительно усилило пропаганду идей панисламизма и пантюркизма на Среднем Востоке, в том числе в Туркестанском генерал-губернаторстве и Бухарском эмирате. Все данные внешнеполитические обстоятельства не могли остаться без внимания Российской империи, всегда рассматривавшей Центральную Азию сферой своих геополитических интересов. С целью выяснения реальной религиозной ситуации на месте для дальнейшего принятия мер по устранению возникших угроз безопасности в регионе и состоялась поездка Л. Наумова.

В своих докладах Л. Наумов сообщает о двух маршрутах проникновения турецких агентов в пределы центральноазиатских владений Российской империи. Первый из них – из Азербайджана по Каспийскому морю в пределы Закаспийской области – являлся менее популярным, так как проходил через территории туркменских племен, был сложен и небезопасен. Второй маршрут, более популярный среди иностранной резидентуры, – с территории Афганистана в Бухарский эмират, затем – в пределы Туркестанского генерал-губернаторства (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 99).

Популярность второго маршрута объяснялась, прежде всего, лояльностью бухарских властей к турецким подданным, что подкреплялось традициями многовековой дружбы между двумя мусульманскими государствами. По данным Л. Наумова, основная масса турецких эмиссаров проникала в Туркестанское генерал-губернаторство под видом врачей, торговцев, нищих, получив предварительно рекомендательные письма от бухарского куш-беги – главы правительства Бухарского эмирата. Бухарцы крайне «уважительно относятся к туркам и на бухарской таможне никогда не проводят досмотр их багажа». Кроме этого, нелегальному проникновению на территорию эмирата турецких резидентов благоприятствовал тот факт, что бухарско-афганская граница фактически не контролировалась Россией. У созданного в марте 1911 г. российского Полицейского отделения в Бухаре был крайне незначительный штат, и выявлять всех иностранцев, нелегально проникавших в регион, у него не было возможности. Турки при пересечении бухарско-афганской границы обязаны были предъявлять российским полицейским разрешение на въезд и паспорт, пройти регистрацию по адресу прибытия. Однако, как свидетельствует Л. Наумов, в реальной жизни это было фактически невозможно, поскольку турецкие подданные, как правило, не имели разрешения на въезд в Бухару, отказывались предъявлять паспорта и сотрудничать с российскими полицейскими чинами, «стремились проскочить мимо станций, на которых располагаются отделения полиции, чтобы скрыться без прописки» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 155 об.).

По информации, представленной в докладах Л. Наумова, контакты Бухары с Турцией в 1908–1910 гг. принимали «все более оживленный характер». Ссылаясь на генерал-квартирмейстера Штаба Туркестанского военного округа, фамилия которого в докладе не указана, Л. Наумов приводит следующие данные. В 1907 г. Туркестан посетил один из флигель-адъютантов турецкого султана Измаил Хакки, в 1909 г. в регионе «под видом нищих» находились турецкий офицер Хаджи Омар Эффенди и «турецкий разведчик» Али Бей, в 1910 г. – Мухаммед Эффенди Худояр Оглы (воспитанник ветеринарной школы в Константинополе), Джан Али Актиан (отставной турецкий офицер), студент Таш Булат Нар Бута Беков¹ (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 99).

В пределах Туркестанского генерал-губернаторства турецкие эмиссары также пользовались значительным влиянием и авторитетом среди местного населения. Прибывая в города края, они точно знали, где остановиться. Объяснялась данная ситуация Л. Наумовым развитием паломничества мусульман Туркестана в святые места – Мекку и Медину. По его данным в Самаркандской области в 1905 г. паспорта на выезд в Турцию получили 1680 мусульман, 1906 г. – 3683, 1907 г. – 4303, 1908 г. – 2294, 1909 г. – 1455, 1910 г. – 5068 мусульман. В Сырдарьинской области в 1907 г. паспорта получили 649 мусульман, 1908 г. – 632, 1909 г. – 323, 1910 г. – 497 (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 87). По заключению Л. Наумова, «паломничество в Мекку является одним из главных факторов приведения в среду туркестанских мусульман идеи панисламизма». В доказательство им приводится ряд свидетельств о том, что после возвращения из Мекки большинство паломников начинали активно сотрудничать с турецкими эмиссарами, «в значительном количестве разъезжающими по Туркестану» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 89 об.).

Работа турецких агентов в регионе сводилась к проведению многочисленных «небольших собраний, на которых обсуждалась программа дальнейших мероприятий для успешной пропаганды панисламистских идей среди мусульман Туркестанского края» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 99 об.). Кроме этого иностранные агитаторы распространяли религиозную и религиозно-политическую литературу. Так, Л. Наумов сообщает, что ежегодно в Туркестане появлялось около 40–50 газет и журналов, издаваемых в Персии («Молла Насреддин», «Хикмет», «Сабах», «Икодам», «Тердиюнан и Накикат», «Аллива», «Серветифунаун») и Турции («Таза-Геят», «Иукахамат», «Иршад», «Меджилис», «Тараки», «Нузоффар», «Кошкун», «Алжи-Мал», «Суфи Исрафим»). В большинстве из них содержались публикации с «русофобскими настроениями», высмеивавшие также старое мусульманское духовенство, призывавшие к реформаторству в исламе и объединению всех тюркских народов под главенством турецкой партии «Единение и прогресс». Особой популярностью среди

¹ Здесь и далее все имена приводятся как в источнике.

сартовской молодежи Туркестана, по данным Л. Наумова, пользовалась газета «Сирот-уль-Мустеким», авторство антироссийских статей в которой приписывалось бывшему подданному Российской империи, члену Оренбургского мусульманского духовного собрания, мулле, сибирскому татарину Абдул Рашид Ибрагимову (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 101 об.).

Помимо Турции, в Туркестанском генерал-губернаторстве и Бухарском эмирате активно действовали мусульманские проповедники из Афганистана. В связи с заключением в 70-х гг. XIX в. российско-бухарских и российско-хивинских договоров, лишивших Турцию возможности свободного въезда на территорию этих государств, последняя стала рассматривать Афганский эмират в качестве основной базы для распространения идей панисламизма в Азии. Влияние турок в Афганистане было достаточно сильным, что едва не привело Афганистан, как известно, к вступлению в Первую мировую войну на стороне Османской империи. По данным Л. Наумова, основанным на донесениях Штаба Туркестанского военного округа, в Бухаре в 1910 г. проживало не менее 5000 афганцев, в Самарканде – до 2000, в Керках – 1000, в Термезе – до 300, в Коканде – 100, в Мерве – до 400 афганцев. Районом активной деятельности афганских «проповедников и агитаторов» являлась южные территории Бухарского эмирата, наиболее отдаленные от Туркестанского генерал-губернаторства и российских властей (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 105).

В дневниках Л. Наумов приводит информацию, позволяющую утверждать, что шпионаж афганского эмира в Бухарском эмирате и Туркестанском генерал-губернаторстве «был поставлен очень организованно». Каждый вернувшийся из России афганец должен был сообщать афганским властям сведения, «хотя бы случайно собранные в русских пределах». Агенты, посылаемые из Кабула и афганского Туркестана (Чарвилайета), непосредственно подчинялись афганскому торговому представителю Мухеммед Гаус хану, проживавшему в Старой Бухаре. Последний, получая от агентов донесения, направлял их в Мазари-Шарифскую почтовую контору для дальнейшей пересылки пакетов в канцелярию афганскому эмиру. Л. Наумов сообщает, что разведка Туркестанского военного округа в декабре 1910 г. арестовала Мухеммед Гаус хана. При обыске у него изъяли личный фирман эмира афганского Хабибуллы-хана (1901–1919 гг.) с приказанием выяснить причины ареста российскими властями в Бухаре нескольких афганских разведчиков, а также донесения Гаус хана о смерти хивинского хана. При обыске также выяснилось, что в распоряжении Гаус хана находилось около 80 разведчиков (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 107–107 об.).

В докладе Л. Наумова содержится информация, сегодня хорошо известная в историографии (Мухамедшин, Абашин, 2013: 114), – факт отправки в Кабул к афганскому эмиру и в Константинополь в Турцию в конце 1910 г. двух петиций от 56 влиятельных бухарцев с просьбой об оказании им военной и денежной помощи в свержении бухарского эмира Абдулахада. И, как свидетельствует Л. Наумов, помощь была им оказана. По распоряжению афганского эмира Хабибуллы в первой половине декабря 1910 г. в Старой Бухаре появилось около 500 вооруженных афганских воинов. Турция предоставила бухарцам страницы наиболее влиятельных и авторитетных газет для антироссийской пропаганды. Вооруженный переворот в Бухаре не состоялся только из-за естественной смерти эмира Абдулахада и восшествия на трон его сына – эмира Мир Алима, пользующегося популярностью среди бухарского народа (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 108 об.). Тем не менее афганский эмир Хабибулла-хан, опасаясь, что Бухара после смерти Абдулахада «будет обращена в русскую провинцию», приказал приграничным гарнизонам «быть готовыми к возможной войне с Россией» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 106).

Отдельный сюжет в докладах Л. Наумова посвящен анализу контактов турецких резидентов с татарами – подданными Российской империи и их роли в распространении в Туркестане идей пантюркизма и панисламизма. По мнению Л. Наумова, исключительной заслугой татар стало зарождение в регионе реформаторского движения в исламе, проявившегося, прежде всего, в создании сети новометодных школ с преподаванием в них светских дисциплин. Такие школы, как правило, открывались без официального разрешения туркестанской администрации, туркестанские училищные наблюдатели не владели информацией об их количестве, качестве и содержании преподавания в них. Однако Л. Наумову было точно известно, что татары-учителя преподают в новометодных школах по учебникам, изданным в Казани и Константинополе, главной задачей «воспитания сартовских детей» в них была «идея привития им сознания общности всех мусульман мира под эгидой Турции» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 129 об.).

Наиболее востребованными новометодные школы были среди сартовского купечества – «сословия более прогрессивно настроенного в силу своей деятельности» и потребностей в образовании своих детей для продвижения бизнеса. После того как российская туркестанская администрация в 1907–1908 гг. выявила в регионе сеть незаконных новометодных школ и издала распоряжение о запрещении татарам преподавать в них, родители учащихся, детей сартов г. Коканда, подали администрации прошение за подписью 351 человека «с просьбой вернуть татар в школы». Этот и еще ряд фактов позволили Л. Наумову сделать вывод о том, что в «прогрессивное движение в духе новейших панмусульманских течений в Туркестанском крае имеет уже под собой достаточно прочную почву, образуемую туземной, преимущественно денежной аристократией» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 133).

В ходе личных бесед с молодыми сартами Л. Наумов констатировал, что последние «настроены весьма враждебно против стариков и своего духовенства», от них он слышал «жалобы на косность своих соплеменников», «на преобладающее направление сартовской образованности, не выходящей из узких рамок изучения религиозной схоластики», а также «горячие выпады» против духовного класса, «в особенности ишанов, которые любят только деньги» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 134-134-об.).

В ходе поездки по Туркестану у Л. Наумова состоялся ряд встреч с известными общественно-политическими деятелями региона, взгляды и убеждения которых позволили чиновнику сделать выводы о значительном проникновении реформаторских идей в сознание региональной этноэлиты. Например, при личной беседе с бывшим депутатом Государственной думы от г. Коканда Салимджаном Мухамеджановым последний высказывал идею об автономии Туркестанского края. «Известный казах» Серали Лапин, автор русско-сартовского словаря, в беседе с Л. Наумовым убеждал последнего в превосходстве ислама, в том, что «Л. Толстой лишь другим путем дошел до признания тех же принципов, что исповедует Коран», и призывал Россию «не вводить в Туркестане никакой другой культуры, кроме технической» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 135).

По сведениям Л. Наумова, благодаря деятельности турецкого агента Ага Риза Куль Хана Хаджи Али Асгарханова в Бухаре появился оппозиционный консервативному мусульманскому духовенству кружок младобухарцев. В 1910 г. он прибыл в Старую Бухару и собрал вокруг себя единомышленников, недовольных запретом на открытие новометодных школ и господством традиционалистов-клерикалов. В состав кружка вошли Мир Бадалиев – начальник туземной канцелярии при Российском политическом агентстве в Бухаре, Раис – помощник главного начальника всех медресе в Бухаре, Аглям – муфтий Старой Бухары, несколько купцов и чиновников. Большая их часть посещала Казань, Константинополь, Египет и «стремилась к приобретению европейских знаний», мечтала «о самостоятельном Бухарском государстве, которое хотели бы устроить по образцу единой Турции» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 148 об.-149).

По оценке Л. Наумова, опиравшейся на данные Полицейского управления Старой Бухары, партия младобухарцев находилась на этапе своего становления и испытывала колоссальное влияние Турции. Из младобухарцев было сформировано отделение турецкой партии «Единение и прогресс», в Константинополе «при участии турецких панисламистов» открыто медресе Ены Джами для обучения молодежи из Бухары и Туркестана. Средства на содержание школы собирались из добровольных пожертвований туркестанских и бухарских мусульман.

Л. Наумов удавалось по крупницам собирать информацию, способную сформировать представление о политической платформе младобухарцев, несмотря на то, что собственно программы у партии еще не было. Чиновник подчеркивал, что для этого ему пришлось опрашивать Политического агента России в Бухаре Лютша, его заместителей, представителей Туркестанского охранного отделения в Старой Бухаре. Однако он подчеркивал, что представленная платформа – это субъективное мнение чиновников, их «личные домыслы», не подкрепленные достоверной информацией. В целом, деятельность младобухарцев преследовала следующие цели: восстановление независимости Бухары и изгнание русских; изъятие из обращения русских монет и кредитных билетов; ограничение прав эмира Советом выборных; свобода учреждения новометодных школ; свободное общение бухарцев с Турцией; беспрепятственный въезд турок в Бухару (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 151). На основании данных требований можно утверждать, что младобухарцы провозглашали либерально-демократические принципы и свободы и отстаивали политическую независимость своего государства.

Несмотря на широкую пропаганду панисламистских и пантюркистских идей в Туркестанском генерал-губернаторстве и Бухарском эмирате, организованную турецкими властями, Л. Наумов констатировал, что «широкого распространения в руководимой муллами народной массе эти доктрины еще не имеют». Причин данной ситуации он выделил несколько.

Главная их них – это содержание идеологии панисламизма, призывающей к объединению всех мусульман – и суннитов, и шиитов. Чиновник констатировал, что в среде туркестанского сартовского купечества появляются тенденции, связанные с «охлаждением к религиозным обрядностям» и стремлением к прекращению многовековой вражды между суннитами и шиитами. Примером выступил лидер реформаторского мусульманского движения в Ташкенте Муновар Кары Абдуррашитханов и его сподвижники, которые «подобно татарам, перестали уже исполнять посты и намазы и не находят никаких препятствий к объединению суннитов и шиитов». Эти же идеи Л. Наумов фиксировал у «молодых сартов купеческого сословия, в частности от сына биржевого маклера в Коканде, сына ташкентского купца, муллы Икрам ходжи Сарымсакова» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 102 об.).

Однако, как подчеркивает Л. Наумов, в Туркестанском крае и Бухаре по-прежнему господствовало традиционное консервативное мусульманское духовенство, которое оказывало главенствующее влияние на духовную жизнь мусульманских общин региона. Из-за существующих многовековых разногласий на религиозно-идеологической почве суннитское духовенство Туркестана и Бухары никогда, по мнению чиновника, не пойдет на сближение с шиитами и никогда не будет

призывать к этому коренное население. В доказательство Л. Наумов приводил произошедшую в Старой Бухаре в 1910 г. суннитско-шиитскую резню и пересказ бесед с влиятельнейшими региональными духовными лидерами. Один из них – преподаватель медресе г. Коканда Мамаджа-Максум – только от вопроса: «Смогут ли объединиться сунниты и шииты?» – поразил Л. Наумова «взрывом ненависти». Подчеркивая, что «шииты Персии тоже фанатики своего толка», Л. Наумов пришел к выводу, что «старая мусульманская образованность, поскольку она еще долго будет пользоваться авторитетом у мусульман Туркестанского края, ни в коем случае не допустит объединения суннитов и шиитов» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 102-103 об.).

Еще более сложное и противоречивое отношение у коренного населения Туркестанского края, по мнению Л. Наумова, вызывала идея пантюркизма. В своих докладах он сообщал, что даже прогрессивная мусульманская молодежь региона, стремившаяся к изучению турецкого языка, «не очень разделяет панисламизм и пантюркизм», считая их единой идеологической константой. Среди мулл-традиционалистов лишь незначительная часть «видела в возрождении Турции благой пример, которому должны последовать мусульмане Туркестана». Основная же масса населения Туркестана еще «не выяснила для себя, как относиться к новому государственному строю Турции и свержению султана Абдуль-Гамида» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 104 об.).

Таким образом, Л. Наумов подошел ко второй причине низкой результативности деятельности турецких агентов в Туркестане и слабого проникновения идей пантюркизма и панисламизма. По его мнению, для этого в регионе не сформировались необходимые предпосылки. «Для усвоения теории панисламистов, – отмечал чиновник в одном из докладов, – не говоря уже о сознательно-критическом отношении к этой доктрине, необходим известный уровень развития и образованности. Задачу исполнения данного пробела взяли на себя наши казанские и оренбургские татары. В массе своей представители этой народности в Туркестанском крае являют собой тип полуинтеллигента, в лучшем случае, с цензом городского училища и газетною начитанностью, которая заменяет ему действительное образование» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 126). Таким образом, Л. Наумов делал вывод о том, что, несмотря на развитие сети традиционных и новометодных мусульманских образовательных учреждений, основная масса мусульманского населения региона не образованна и не готова к восприятию идей пантюркизма и панисламизма и татары-учителя не смогут в ближайшем будущем изменить ситуацию.

Не менее важной причиной слабого успеха в деятельности турецких резидентов в Туркестанском крае Л. Наумов считал господство традиционалистских мусульманских кругов в политической жизни Бухарского эмирата, которые регулировали жизнь мусульманских общин всего российского Туркестана. «Священная в глазах мусульманского мира Средней Азии Бухара, – отмечал он в своем седьмом докладе, – является одним из наиболее могущественных факторов, воздействующих на духовную жизнь населения Туркестана». Влияние Бухары проявлялось в самом широком формате и охватывало все сферы жизнедеятельности мусульманских общин региона, но «исключительно в духе старого мусульманского мировоззрения, не затронутого вовсе новейшими течениями мусульманской мысли». Поэтому, по наблюдениям Л. Наумова, Бухара в начале XX в. представляла собой «тлеющий очаг мусульманского фанатизма, усердно раздуваемый мусульманским духовенством, все старания которого направлены к охранению ханства от всяких реформаторских тенденций эмиров и нарождающейся в Бухаре партии младобухарцев» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 141).

Духовное притяжение Бухары для мусульман Туркестанского края проявлялось, прежде всего, в массовом паломничестве к святым местам – могиле Бахаваддина – основателя суфийского ордена Накшбандия. Кроме этого, среди мусульманского населения Туркестана очень высоко ценилось теологическое образование, возможность получения которого предоставляли медресе Старой Бухары. При посещении бухарских медресе Л. Наумов встречал в них сартов, татар, афганцев, хивинцев (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 143-143 об.). К событиям в Турции и Персии, приведшим к установлению конституционных режимов в данных государствах, большинство мулл и мударрисов Бухары относились крайне отрицательно и враждебно. Как отмечал Л. Наумов, такое восприятие событий было связано с их опасениями, что любые, даже самые скромные реформы в Бухаре могут затронуть традиционную мусульманскую систему образования, достаточно автономную и приносящую колоссальные доходы от вакуфов. Этим же обстоятельством Л. Наумов объяснял крайне враждебное отношение мусульманского духовенства к умершему эмиру Абдулахаду за его «дружбу с Россией» и проводимые Россией реформы (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 145).

Таким образом, чиновник был склонен считать, что, несмотря на активизацию турецких и афганских агентов в Бухарском эмирате в 1908–1910 гг., здесь не имелось предпосылок для большой результативности их деятельности. «Главную роль в Бухарском эмирате играет все же консервативная партия, относящаяся к обновленной Турции с некоторым недоверием, почему широкого распространения панисламистских воззрений среди массы бухарского народа в ближайшем будущем ожидать еще нельзя. Зверская резня шиитов в январе 1910 г., – подчеркивал Л. Наумов, – служит лучшим подтверждением справедливости высказанной мысли» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 458. Л. 156 об.).

5. Заключение

В целом из представленной в докладах Л. Наумова информации следует, что после младотурецкой революции 1908 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве и Бухарском эмирате значительно активизировалась деятельность турецких резидентов, нацеленная на пропаганду русофобии, пантюркизма и панисламизма. Турция также активно привлекала к работе в регионе афганцев, используя традиционные контакты с Афганским эмиратом и считая его сферой своих геополитических интересов. Определенная часть мусульманского населения российского Туркестана положительно воспринимала пропагандируемые Турцией идеи, что находило выражение в отказе следовать всем предписаниям Корана, зарождению исламского реформаторского движения и новометодного образования, мелкобуржуазной младобухарской партии. В то же время в своих докладах Л. Наумов многократно акцентировал внимание на главенствующей роли традиционного мусульманского духовенства в духовно-религиозной жизни коренного населения Туркестана и Бухарского эмирата. Его негативное отношение к идеям панисламизма, предполагавшим духовное объединение суннитов и шиитов, в также низкий уровень образования коренного мусульманского населения и засилье ортодоксального ислама, позволяли Л. Наумову сделать выводы о бесперспективности работы турецких агентов и отсутствии угрозы с их стороны территориальной целостности Российской империи в центральноазиатских окраинах.

6. Благодарности

Работа выполнена за счет средств гранта РНФ (проект №19-18-00023).

Литература

- [Арапов, 2004](#) – *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). М., 2004. 287 с.
- [Бекмаханов, 1957](#) – *Бекмаханов Е.Б.* Присоединение Казахстана к России. М., 1957. 342 с.
- [Васильев, 2014](#) – *Васильев А.Д.* Знамя и меч от падишаха. Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI – начало XX вв.). М., 2014. 356 с.
- [Джамгерчинов, 1959](#) – *Джамгерчинов Б.Д.* Присоединение Киргизии к России. М., 1959. 435 с.
- [Котюкова, 2004](#) – *Котюкова Т.В.* Турецкие эмиссары в России. Документы ЦГА РУз. 1910–1914 гг. // *Исторический архив.* М., 2004. № 4. С. 85–94.
- [Ланда, 1995](#) – *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России. М., 1995. 311 с.
- [Литвинов, 2006](#) – *Литвинов В.П.* Религиозное паломничество: региональный аспект: на примере Туркестана эпохи Средневековья и Нового времени. Елец, 2006. 377 с.
- [Лысенко и др., 2014](#) – *Лысенко Ю.А., Анисимова И.В. и др.* Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX вв.). Барнаул, 2014. 271 с.
- [Мухамедшин и др., 2013](#) – *Мухамедшин Ф.М., Абашинов С.Н. и др.* Россия – Средняя Азия: политика и ислам в XVIII – начале XXI вв. М., 2013. 480 с.
- [Набиев, 1973](#) – *Набиев Р.Н.* Из истории Кокандского ханства. Ташкент, 1973. 388 с.
- [Ремнев, 2006](#) – *Ремнев А.В.* Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // *Вестник Евразии.* М., 2006. Т. 4. С. 1–17.
- [РГИА](#) – Российский государственный исторический архив.
- [Тихонов, 2008](#) – *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX вв. СПб., 2008. 365 с.
- [Тухтаметов, 1969](#) – *Тухтаметов Г.Г.* Россия и Хива в конце XIX – начале XX вв. Победа Хорезмской народной революции. М., 1969. 141 с.
- [Халфин, 1957](#) – *Халфин Н.А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). Ташкент, 1957. 251 с.
- [Халфин, 1957а](#) – *Халфин Н.А.* Султанская Турция и английская экспансия в Средней Азии (50–80 гг. XIX в.) // *Среднеазиатский гос. университет им. Ленина.* Вып. 94. Кн. 14. Ташкент. 1957. С. 29–45.
- [Халфин, 1959](#) – *Халфин Н.А.* Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX вв.). М., 1959. 210 с.
- [Cherkasov et al., 2015](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S.* The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. // *Bylye Gody.* 2015. (3). 37: 541–548.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S.* The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). // *Annales Ser. hist. sociol.* 2016. 26(1): 1–12.
- [Cherkasov et al., 2017](#) – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801–1864): Historical and statistical research. // *Bylye Gody.* 2017. 43(1): 68–85.

Karataev, 2016 – Karataev V.B. The Advocacy Activities of the Foreign Emissaries in the North-Western Caucasus // *Propaganda in the World and Local Conflicts*, 2016, Vol. 6, Is. (2), pp. 52-58.

Lysenko, Goncharov, 2017 – *Lysenko Yu. A., Goncharov Yu. M.* The Emirate of Bukhara and the Khanate of Khivan in foreign policy of the Russian Empire: experience of the frontier modernization // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 46. Is. 4, pp. 1480-1487.

References

Arapov, 2004 – *Arapov D.Yu.* (2004). Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiyskoy imperii (poslednyaya tret XVIII – nachalo XX v.) [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of XVIII – early XX centuries)]. M., 287 p. [in Russian]

Bekmakhanov, 1957 – *Bekmakhanov E.B.* (1957). Prisoyedineniye Kazakhstana k Rossii [Kazakhstan's accession to Russia]. M., 342 p. [in Russian]

Cherkasov et al., 2015 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Ustinovich E.S., Kryukova N.I., Molchanova V.S.* (2015). The Moving of the Ubykhs to the Russian Service as a Result of the Peace Initiatives in the First Half of the 1840s years. *Bylye Gody*. (3). 37: 541-548.

Cherkasov et al., 2016 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Metreveli R.V., Molchanova V.S.* (2016). The Destruction of the Christian Historical-Cultural Heritage of the Black Sea Area: Trends and Characteristics (the Late 18th and First Half of the 19th centuries). *Annales Ser. hist. sociol.* 26(1): 1-12.

Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.

Dzhamgerchinov, 1959 – *Dzhamgerchinov B.D.* (1959). Prisoyedineniye Kirgizii k Rossii [Accession of Kyrgyzstan to Russia]. M., 435 p. [in Russian]

Karataev, 2016 – Karataev V.B. (2016). The Advocacy Activities of the Foreign Emissaries in the North-Western Caucasus. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. Vol. 6. Is. (2). pp. 52-58.

Khalfin, 1957 – *Khalfin H.A.* (1957). Angliyskaya kolonialnaya politika na Srednem Vostoke (70-e gody XIX v.) [English colonial policy in the Middle East (70-ies of the XIX century)]. Tashkent, 251 p. [in Russian]

Khalfin, 1957a – *Khalfin H.A.* (1957). Sultanskaya Turtsiya i angliyskaya ekspansiya v Sredney Azii (50–80 gg. XIX v.) [Sultan's Turkey and English expansion in Central Asia (50–80 years of the XIX century)]. *Sredneaziatskiy gosudarstvennyy universitet im Lenina*, Vyp. 94, №. 14, Tashkent, pp. 29-45. [in Russian]

Khalfin, 1959 – *Khalfin N.A.* (1959). Proval britanskoy agressii v Afganistane (XIX – nachalo XX v.) [Failure of the British aggression in Afghanistan (XIX – beginning of XX century)]. M., 210 p. [in Russian]

Kotyukova, 2004 – *Kotyukova T.V.* (2004). Turetskiye emissary v Rossii. Dokumenty TsGA RUz. 1910–1914 gg. [Turkish emissaries in Russia. Documents TSGA RUz. 1910–1914 gg]. Istoricheskiy arkhiv, M., № 4, p. 85-94. [in Russian]

Landa, 1995 – *Landa R.G.* (1995). Islam v istorii Rossii. [Islam in Russian history]. M., 311 p. [in Russian]

Litvinov, 2006 – *Litvinov V.P.* (2006). Religioznoye palomnichestvo: regionalnyy aspekt: na primere Turkestana epokhi srednevekovia i novogo vremeni [Religious pilgrimage: regional aspect: on the example of Turkestan of the middle ages and modern times]. *Elets*, 377 p. [in Russian]

Lysenko i dr., 2014 – *Lysenko Yu.A., Anisimova I.V. i dr.* (2014). Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsionalnoy politike Rossiyskoy imperii: kontseptualnyye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.) [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and mechanisms of implementation (XIX – early XX century)]. Barnaul, 271 p. [in Russian]

Lysenko, Goncharov, 2017 – *Lysenko Yu.A., Goncharov Yu.M.* (2017). The Emirate of Bukhara and the Khanate of Khivan in foreign policy of the Russian Empire: experience of the frontier modernization. *Bylye Gody*, Vol. 46, Is. 4, pp. 1480-1487. [in Russian]

Mukhamedshin, Abashin, 2013 – *Mukhamedshin F.M., Abashin S.N. i dr.* (2013). Rossiya – Srednyaya Aziya: politika i islam v XVIII – nachale XXI v. [Russia – Central Asia: politics and Islam in the XVIII – early XXI]. M., 480 p. [in Russian]

Nabiyev, 2006 – *Nabiyev R.N.* (2006). Iz istorii Kokandskogo khanstva. [From the history of Kokand khanate]. Tashkent, 1973, p. 388. [in Russian]

Remnev, 2006 – *Remnev A.V.* (2006). Tatory v kazakhskoy stepi: soratniki i soperniki Rossiyskoy imperii [Tatars in the Kazakh steppe: colleagues and rivals of the Russian Empire]. *Vestnik Evrazii*, M., T. 4, pp. 1-17. [in Russian]

RGIA – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. [Russian state historical archive].

Tikhonov, 2008 – *Tikhonov A.K.* (2008). Katoliki. musulmane i iudei Rossiyskoy imperii v posledney chetverti XVIII – nachale XX v. [Catholics. Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of XVIII – early XX centuries]. Spb., 365 p. [in Russian]

Tukhtametov, 1969 – *Tukhtametov G.G.* (1969). Rossiya i Khiva v kontse XIX – nachale XX v. Pobeda Khorezmskoy narodnoy revolyutsii [Russia and Khiva in the end of XIX – beginning of XX century the Victory of the Khorezm people's revolution]. M., 141 p. [in Russian]

Vasilyev, 2014 – *Vasilyev A.D.* (2014). *Znamya i mech ot padishakha. Politicheskiye i kulturnyye kontakty khanstv Tsentralnoy Azii i Osmanskoy imperii (seredina XVI – nachalo XX vv.)* [The banner and the sword of the Sultan. Political and cultural contacts of the khanates of Central Asia and the Ottoman Empire (mid XVI – early XX centuries)]. M., 356 p. [in Russian]

Деятельность турецких агентов в центральноазиатских окраинах Российской империи в начале XX в. по материалам докладов чиновника особых поручений МВД Л. Наумова

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются доклады чиновника особых поручений Министерства внутренних дел Л. Наумова, подготовленные им по итогам командировки в центральноазиатские окраины Российской империи в 1910 году. В ходе поездки Л. Наумову предстояло выяснить масштабы пропагандистской работы турецких агентов в регионе, степень проникновения идей пантюркизма и панисламизма в сознание коренного мусульманского населения. Из представленной в докладах информации следует, что после младотурецкой революции 1908 г. в Туркестанском генерал-губернаторстве, Бухарском эмирате и Хивинском ханстве значительно активизировалась работа турецких резидентов, нацеленная на пропаганду русофобии, пантюркизма и панисламизма. Турция также активно привлекала к работе в регионе афганцев, используя традиционные контакты с Афганским эмиратом и считая его сферой своих геополитических интересов. В своих докладах Л. Наумов приводит факты, свидетельствующие о формировании среди мусульманского населения российского Туркестана приверженцев пропагандируемых Турцией идей, что выражалось в зарождении исламского реформаторского движения и новометодного мусульманского образования, отказе следовать всем предписаниям Корана. Однако, по собранной чиновником информации, традиционное мусульманское духовенство продолжало занимать лидирующие позиции в духовно-религиозной жизни коренного населения. Негативное отношение мусульманских лидеров Бухары, Коканда и ряда других городов Туркестана к идеям панисламизма, предполагавшим духовное объединение суннитов и шиитов, позволяло Л. Наумову сделать выводы о бесперспективности работы турецких агентов в регионе и отсутствии угрозы территориальной целостности Российской империи в центральноазиатских окраинах.

Ключевые слова: ислам, панисламизм, пантюркизм, Российская империя, Туркестан, Турция, мусульманские общины.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)